

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.06

СЕТЕВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: КОНТУРЫ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова

МИРОШНИЧЕНКО Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар. Для связи с автором: mirinna78@mail.ru; **МОРОЗОВА Елена Васильевна**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар. Для связи с автором: morozova_e@inbox.ru

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. — Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>

Исследование выполнено в рамках Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук МД-5993.2016.6 “Инновационные практики в многоуровневой системе публичного управления современной России” (2016-2017).

Статья поступила в редакцию: 23.11.2016. Принята к печати: 26.12.2016

Аннотация. Авторы раскрывают структуру и содержание сетевой публичной политики, сформировавшейся под влиянием социетальных изменений в современном обществе, в результате которых политические институты и практики приобрели новые качества универсального характера. В статье выделены и охарактеризованы этапы эволюции сетевого подхода в сфере политических исследований. Сетевая публичная политика разворачивается в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику. Контуры проблемного поля охватывают как изменения, происходящие в различных измерениях публичной политики (информационно-дискурсивном, институциональном, управленческо-технологическом, социокультурном, пространственном), так и их результаты. В статье показаны возможности и риски рефлексивной включенности индивида в сетевые структуры, векторы трансформации традиционных политических институтов и генезис организационных гибридных форм под влиянием сетевых технологий. Использование политическими акторами технологий сетевой публичной политики существенно расширяет возможности их многовекторного развития в условиях политической неопределенности, характерной для новой сетевой реальности. Авторы раскрывают связь коммуникативной власти гражданского общества с политико-управленческим циклом на примере проектных технологий краудсорсинга. Субъективное пространство сетевой публичной политики охарактеризовано посредством фиксации изменений, происходящих в системе политических ценностей, характере политической идентичности и политической культуры, в том числе под влиянием консьюмеризации сетевого общества. Предметное поле сетевой публичной политики будет неизбежно расширяться и дифференцироваться.

Ключевые слова: сетевое общество; сетевая публичная политика; нелинейные политические процессы; ризомная самоорганизация; гибридные политические институты; сетевая идентичность; сетевые коммуникации.

Современная динамика глобальных и национальных политических процессов неразрывно связана с глубокими общественными трансформациями, изменяющими институциональные и социокультурные основания современного мира. В научном дискурсе сложилось представление о том, что современная реальность представляет новый качественный этап общественного развития, динамика которого определяется нелинейными, сетевыми конфигурациями и процессами [см. Политические изменения... 2014]. Рефлексия стремительно изменяющейся социальной реальности, которая отражается во множестве метафорических определений (“индивидуализированное общество” З. Баумана, “общество риска” У. Бека, “*infomodernity*” И. Семененко, В. Лапкина) [Бауман 2005; Бек 2000; Кастельс 2000; Лапкин, Семененко 2013.], фиксирует сложность и многообразие современного общества, развивающегося под влиянием продолжающейся технологической революции и интенсивного проникновения во все сферы жизни информационно-коммуникативных технологий.

Однако, несмотря на активизацию научного поиска современными научными школами и расширение предметного поля в политической науке, проблема выработки адекватных публичной практике теоретико-методологических подходов и аналитического инструментария остается весьма актуальной. Ответом на “методологический кризис” может стать создание новых концептуальных моделей публичной политики для обеспечения динамического равновесия между стремительно изменяющейся социально-политической реальностью и используемыми теоретическими конструктами.

Для политической науки становится актуальной выработка теоретических подходов к исследованию публичной политики, адекватно объясняющих не только идеалтипические формы *взаимодействия* государства и общества (иерархия, рынок, сети), но и различные гибридные формы их *взаимопроникновения*, что характерно для современных политических реалий.

Использование эвристических возможностей *сетевой методологии* позволило авторам теоретически обосновать концепт *сетевой публичной политики*, который объясняет появление и развитие новых дискурсивных, институциональных, процессуальных, управленческих и социокультурных практик в политическом пространстве. *Сетевая публичная политика разворачивается в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве и представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику.* Сетевая публичная политика, будучи многомерным аналитическим конструктом и, одновременно, неотъемлемым и эффективным компонентом концептуализации политической реальности, позволяет определить новые свойства и характеристики современной публичной политики, которые обуславливают векторы развития глобального политического мира и национальных политических систем, характер изменения политических практик и способы продвижения инноваций.

РОЛЬ СЕТЕВОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сетевой подход, как в политической науке, так и в широком контексте общефилософского дискурса, стал результатом развития постмодернистского типа научного мышления и методологическим ответом на “вызовы” объек-

тивно формирующейся новой социальной и политической реальности. Этот подход формирует методологические основания для продвижения концептов, посредством представлений о сетевой конфигурации отражающих сложность, противоречивость и нелинейность современного развития. Р. Хойслинг, обобщая научные дискуссии об эпистемологических возможностях сетевого подхода, характеризует сетевую теорию как теорию нового типа, имеющую два уровня измерения: парадигмальный и – конкретных исследований.

В парадигмальном измерении сетевую концепцию можно представить как метатеорию, поскольку “она концептуально разрешает то, что содержательно описывает”, и при этом “может сопрягаться со множеством других теорий... служащих своего рода модулями, между которыми возникает или существует сеть теоретических сопряжений” [Хойслинг 2003: 38]. Р. Хойслинг обосновывает возникновение сетевой метатеории появлением сложных, неустойчивых, неопределенных процессов, которые невозможно объяснить частными теориями, они требуют адекватного методологического фундамента. Такое состояние научного знания Д. Дзоло объясняет сложностью и многосоставностью социально-политических процессов, которые сводятся к ряду характеристик когнитивных ситуаций. Во-первых, чем шире масштаб возможных вариантов выбора и чем больше переменных, которые приходится учитывать субъектам в своих попытках разрешения проблем знания, адаптации и организации, тем сложнее становится окружающая их среда. Но чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных; изменение значения одной из них неизбежно сказывается на других, что усложняет задачу познания и / или действия. Во-вторых, нестабильность и турбулентность среды придает динамичный характер исследуемым процессам, быстроту и непредсказуемость траекториям развития; это тем более важно в аспекте перехода от порядка к беспорядку [Дзоло 2010: 35-37].

В целом же метатеоретические характеристики сетевого подхода определяются двумя формальными составляющими: во-первых, понятие “сеть” используется для обозначения и сложных, динамических и взаимосвязанных ячеистых структур, и – “новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире” [Шенцева 2012: 47]; во-вторых, в основу сетевой теории положен принцип сетевого взаимодействия, координирующий разнообразные концепции и теории в рамках задачи построения теоретического знания о новой сетевой реальности. В этом случае, отметим особо, логика генезиса сетевой теории имеет также сетевой характер.

В генезисе сетевого подхода применительно к сфере политических исследований можно выделить несколько этапов. На первом этапе – в 1970-1980-х годах – наблюдалось проникновение в политическую науку сетевых принципов анализа, сформулированных и нашедших свое применение в эмпирических исследованиях социальных наук [Poucke 1979; Emirbayer, Goodwin 1994]. Сетевой подход используется в качестве формального инструмента анализа с широким диапазоном методов и процедур сбора и систематизации данных о различных социальных и политических объектах, как структурно организованных, так и отдельных акторов [Brandes et al. 1999]. На основе качественных и количественных подходов к сетевому анализу политических структур в 1990-х годах формируется представление о сети как об одном из базовых принципов политического анализа, открывающего подходы к исследованию процессов выработки политики [Lummann, Knoke 1987; Schneider, Werle 1991]. На втором

этапе развития сетевого подхода (1990-е годы) концептуализируется понятие “политическая сеть” как способ взаимодействия государства и групп интересов, а также способ межгрупповых взаимодействий и формирование разнообразных сообществ в публичном секторе. Концепт “политическая сеть”, интегрируемый с теориями неoinституционализма, позволил выявить сетевые основания структурных и функциональных характеристик процесса выработки публичной политики [Borzel 1998; Toke, Marsch 2003; Marsh, Rhodes 1992; Daugbjer 1998; Waarden 1992; Knoke 1990; Knoke, Kuklinski 1982].

Актуализация проблемы эффективности политических сетей в публичной политике дала импульс адаптации сетевого подхода к исследованиям сферы государственного управления и развитию нового направления – теории сетевого управления как синтеза сетевой теории и теории нового государственного менеджмента. На третьем этапе развития сетевого подхода – 2000-е годы – концепция сетевого управления (*governance*) аккумулировала в себе новые тенденции сетевизации публичного управления, что нашло отражение в совершенствовании организационной и технологической составляющей государственного управления, включением в его сферу общественного влияния и гражданского участия в принятии решений [Kooiman 1993; 2003; Debating... 2000; Pierre, Peters 2000; Hirst 2000].

Сегодня сетевой подход находится на четвертом этапе своего развития, в рамках которого формируется сетевая теория политики [Debating... 2000; Damgaard 2006; Klijn, Koppenjan 2000; Compston 2009]. Интегрировав теории и концепции, возникшие в предшествующие периоды, сетевая теория политики рассматривает сеть как переменную в производстве политики. Несмотря на весьма условные хронологические рамки в дифференциации выделенных этапов, можно говорить об отчетливом структурировании теоретического поля сетевого подхода. В то же время его развитие основывалось на интеграции собственно сетевых концепций с разнообразными по научной спецификации и уровням теориями (теории межорганизационных сетей, неoinституционализма, администрирования бизнеса, общественного выбора и неоменеджеризма). Благодаря связке с сетевой теорией другие теории, с одной стороны, получали новую интерпретацию, а с другой – методологически обогащали ее, наполняя междисциплинарными аналитическими принципами. Такого рода сетевые процессы научной конвергенции приводят к синергетическому эффекту в производстве нового теоретического знания.

Однако, предлагая абстрактные модели, свой потенциал сетевая теория раскрывает только на уровне приложения к конкретным исследованиям, сопряженным с различными предметными областями политической науки, такими как компаративистика, коммуникативистика, регионалистика, публичная политика, менеджмент и т.д. Конкретные исследования в рамках сетевой проблематики способствуют созданию операциональных моделей, с помощью которых возможны эмпирическое описание и интерпретация феноменов и процессов в определенных сегментах политической сферы, а также их прогностическое осмысление.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК МНОГОСОСТАВНЫЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Публичная политика – сравнительно молодой концепт политической науки, возникший в середине XX в. в ответ на потребность в соединении политической

теории с публичной практикой современных национальных государств. На сегодняшний день *публичная политика* представляет собой “зонтичную” концепцию, охватывающую многие измерения политического; она пересекается со смысловыми полями таких политологических категорий, как *публичная сфера*, *политическое пространство*, *политический процесс*, *политическая деятельность*, *гражданское общество*, *общественное участие*, *государственная политика*, *политический режим*, *принятие политических решений* и т.д. Теоретические границы проблематики публичной политики определены, с одной стороны, междисциплинарной рефлексивной парадигмой анализа открыто развивающегося социума; с другой – осмыслением содержательной, организационной и технологической трансформации политико-управленческих систем современных государств.

Концептуальная система координат публичной политики связана с такими ее взаимосвязанными и взаимообусловленными измерениями, как информационно-дискурсивное, институциональное, управленческо-технологическое, социокультурное и пространственное. *Информационно-дискурсивное измерение* интерпретируется в категории публичной сферы, где проявляются рефлексивные способности человека включаться в мир политического [см. Арендт 2000: 14-27]. Публичная сфера представляет собой информационно-коммуникативное пространство, в котором на основе информации о политических событиях происходит конструирование групп общественности, участвующих в формировании общественно-политического дискурса [Habermas 1990a; 1990b]. Дискурсивность, или ресурсы коммуникативной власти в публичной сфере, отражают качественные характеристики развития общественности, проявляющиеся в их автономности в производстве общественного дискурса, и способы целенаправленного информационно-коммуникативного властного воздействия, отраженные в политическом и общественном дискурсах.

В информационно-коммуникативной среде посредством политического дискурса конституируются и институционализируются различные политические акторы – участники делиберативного политического процесса, связывающего дискурсивные практики с циклическим производством публичных решений на основе диалога и согласования позиций сторон. На этой основе формируется деятельностно-активистский потенциал, или *институциональное измерение* публичной политики, характеризующееся эффективностью публичной деятельности акторов и их участия в принятии решений.

Сфера функционирования механизмов гражданского участия в производстве публичных решений определяет *управленческо-технологическое измерение* публичной политики. В системе публичного управления существует политическая и административные подсистемы, задающие институциональный коридор для участия граждан в процессе принятия публичных решений и влияния на них. Политическая подсистема публичного управления итожит дискурсивность публичной сферы, посредством системы политического представительства формируя политический курс. Административная подсистема регулирует процесс практического воплощения публичных решений после их легитимации и институционализирует практики вовлеченности граждан в административную деятельность.

Социокультурное измерение публичной политики связано, прежде всего, с ее ценностным наполнением, в существенной степени влияющим на выбор взаимодействующих акторов в процессе принятия решений и определяющим их *modus vivendi*. Именно ценности являются стержневым элементом поли-

тической культуры и – шире – всего субъективного пространства политики. Культура диалога, ориентация на партнерство – необходимые детерминанты публичной политики. Экосистема публичной политики является в значительной мере антропоцентричной, в связи с чем проблемы формирования / конструирования идентичности (национальной, гражданской, политической), политика идентичности приобретают особую значимость.

Пространственные характеристики публичной политики связывают ее различные измерения в единую целостность как действительность объективного порядка, оформленную легитимными практическими схемами, составляющими действительность субъективного порядка. Различные “оболочки” публичной политики определено влияют на ее результаты, но не являются независимыми переменными; скорее они обусловлены процессами, происходящими в других измерениях. Пространство публичной политики существует в более широких социальных контекстах, что позволяет выявить специфику национальных моделей. В условиях трансформации публичной политики в сетевом обществе под воздействием различных факторов каждое измерение публичной политики и результаты процессов, происходящих в них, требуют теоретического осмысления.

СЕТЕВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАКУРСЫ

Сетевое общество является результирующим вектором развития информационной экосистемы, где знания и информационные потоки играют определяющую роль. В границах парадигмы, обоснованной М. Кастельсом, новые информационные технологии задают сетевую логику изменений социальной системы. *“Эту формирующуюся на наших глазах новую социальную реальность можно определить как ‘infomodernity’ – пространство социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации. Утверждение infomodernity сопряжено с процессами глобализации, особенно – в информационной сфере, с распространением интерактивных сетевых форм общения. Условием становления такого пространства оказывается персональная и потенциально интерактивная подключенность к глобальной ‘информационной среде’, посредством которой социальный индивид приобщается к новым универсальным нормам и стандартам поведения, к новым условиям жизни и новым ограничениям доступа к ресурсам”* [Лапкин, Семененко 2013: 65-66].

Социальные институты и практики приобретают совершенно новые сетевые качества универсального характера. В терминологии З. Баумана [Bauman 2000] современные процессы сетевизации характеризуются “текучестью”, неустойчивостью и непредсказуемостью. Сетевое общество становится своего рода маркером современных общественных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности человека, включая политическую. При этом сетевая логика сосуществует в социальной реальности одновременно с другими типами логик – традиционного, индустриального, постиндустриального обществ, – отчетливо выявляя сегменты сетевых явлений как глобального, так и локальных масштабов.

Эффекты сетевизации как результат проникновения явлений сетевого общества в публичную политику и воздействия на нее отличаются много-составным характером и проявляются в виде изменений на различных ее

уровнях, обуславливают появление инновационных механизмов, воспроизводящих ее новый тип – *сетевую публичную политику*. Посредством “интернетизации” происходит расширение публичного пространства, так как интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. В политической сфере сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений. Вместе с тем эффект сетевого расширения публичного пространства создает определенные условия для исключения определенных категорий граждан из новой системы сетевых политических коммуникаций, ограничивая их арсенал включения в публичность традиционными методами.

Глобальное информационно-коммуникативное пространство сетевого общества открыто для конструирования индивидуальными и коллективными акторами автономных социальных миров, требующих собственных виртуализированных публичных пространств, находящихся при этом в тесной связи с общим пространством. Концептуализация индивидом собственного социального мира с проекцией в политическую сферу рассматривается в контексте его рефлексивной включенности в публичное пространство, или, в определении М. Фуко, “управленческой ментальности” [Foucault 1991] как активности, нацеливающей быть критическим и рефлексивным [Walters, Naahr 2005].

По мере расширения масштабов политического участия посредством онлайн-технологий постепенно развеивается миф об исключительно автономном, сознательном выборе политических альтернатив индивидом в сети. В научном дискурсе появилось несколько моделей, интерпретирующих подверженность личности давлению сетевого сообщества. Одна из них – концепция “сетевых феодалов и крепостных”, которая интересна в том числе и коннотацией с ранее появившимися аналогиями современного общества со временем средневековья, инициированными статьей Умберто Эко “Средние века уже начались” [Эко 1994]. Дуальность результатов рефлексивной включенности индивида проявляется в эффекте рефеодализации сетевой публичной политики, разделения сетевого сообщества на “сетевых феодалов и крепостных” [Беляева 2011]. Так наз. *сетевые феодалы* – индивиды или политические акторы – на основе легитимных практических схем и эксплицитных понятий самостоятельно и оригинально осмысливают политические события, конструируя вокруг себя, своей позиции или заинтересовавшей их проблемы публичное пространство с проективным набором публичных решений. Индивиды или политические акторы, не участвующие в конструировании публичных пространств и осмысляющие политические события, используя созданные “сетевыми феодалами” когнитивные схемы и практические решения, становятся “информационными крепостными” в конструируемых публичных пространствах. Смыслы, когнитивные схемы и нарративы, распространяемые и потребляемые публикой в границах публичного пространства “сетевых феодалов”, становятся источниками коммуникативной власти [там же].

У. Бек говорит о принципиально новом явлении для публичной сферы – “распаде политики” [Бек 2000: 281-288], на смену властному доминированию национальных государств и централизованных правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, облада-

ющих значимыми рефлексивными способностями. Рефлексивная включенность индивида нарушает монополию государства на установление границ идентичности, в расширенной интернетом публичной сфере с множеством пространственных координат граждане самостоятельно выбирают, с каким пространством себя ассоциировать (в каких сетях участвовать, а какие формировать самостоятельно) и экспериментируют со своими идентичностями [Баринава 2010], изменяя природу властных отношений.

Однако в расширяющихся возможностях рефлексивной включенности индивида в публичное пространство и автономной “маршрутизации” публичных коммуникаций существует угроза усиления власти маргинальных групп, которые могут носить и экстремистский характер. Например, современные транснациональные террористические организации отличаются сетевой организацией и ориентированы на сетевую вербовку, сетевую координацию структур и деятельности, явную и скрытую сетевую пропаганду. В качестве новых “феодалов” могут выступать как неинституционализованные сетевые структуры, так и традиционные политические субъекты. Публичные пространства рождаются не только снизу активными самоорганизующимися акторами, но и сверху путем целенаправленного проектирования.

Рефлексивная включенность индивида и его автономность в построении публичного пространства обусловили эффект сетевой трансформации гражданского общества, в результате которого нивелируется деконструкция бинарной оппозиции “государство – гражданское общество”, “находя феномен, их объединяющий, – власть, выражающуюся в политических и неполитических формах” [Макарычев 2008: 20]. При этом сохраняются такие традиционные черты гражданского общества, как его автономия от государства, но вместе с тем и взаимосвязь с ним, а также гарантированный плюрализм ценностей, идеалов и образов жизни, воплощенных в его институтах.

Как утверждает М. Фуко, гражданское общество представляет собой отношения власти, укорененные в социальной сети [Фуко 2006: 186]. Гражданское общество теряет свою идеологическую интерпретацию “в терминах рынка и собственнического индивидуализма” [Лэйн 2012: 99] и становится средой для самоподдерживающихся связей, в которой переплетены разнообразные неформальные сети солидарностей с различными формами взаимной поддержки и взаимовыгодных объединений. Гражданское общество становится продуктом интеграции символически-смысловых и структурных форм социальной организации на основе горизонтально-сетевых связей, существующих в рамках данной национальной общности, гарантирующей историческую преемственность развития государства.

Сетевизация гражданского общества обуславливает кризис традиционной системы политического представительства, не отражающей интересы тех социальных групп и общностей, которые возникли в результате сетевых трансформаций в социальной и экономической сферах общества. В современной публичной политике происходит смена “самих паттернов политического представительства и гражданского участия” [Павлова 2007: 137], связанных с эффектом сетевой реверсивной адаптации традиционных политических институтов и структур сетевого гражданского общества.

С одной стороны, традиционные иерархические структуры политических институтов начинают мутировать, так как испытывают затруднения, связанные

с появлением множества властных центров и распылением информации; они начинают приспосабливаться к сетевым формам организации власти, действуя сообразно логике сетевых коммуникаций. Политические лидеры, политические партии и группы интересов начинают формировать и реализовывать собственную политическую стратегию сетевой политики. Для обеспечения легитимности и повышения конкурентоспособности традиционные политические институты создают собственные или же возглавляют уже созданные сетевые структуры гражданского общества. Например, новый избирательный цикл в России показал, что количество членов политической партии в России не является существенным показателем ее успеха. Важнее “живое” присутствие партий и их лидеров на различных сетевых платформах (ВКонтакте, Facebook, Twitter, YouTube и др.), которые стали мощным каналом мобилизации избирателей и электоральной поддержки [Сморгунов 2014]. Примером эффективного использования сетевых ресурсов политическими партиями может служить проект руководства КНР “50 центов партии”, реализуемый с 2007 г. в Синете и направленный на “достижение превосходства в общественном мнении в интернете” и “активного использования новых технологий для укрепления положительной пропаганды” [Haley 2010]. Суть проекта заключалась в организации системы оплачиваемого комментирования дискуссий в online-пространстве публичной сферы Китая по поводу общественно значимых проблем¹.

С другой стороны, структуры сетевого гражданского общества осваивают и традиционные политические институты, создавая синтетические формы политического представительства, например, в виде пиратских политических партий. Сетевые политические партии отражают потребности сетевого гражданского общества в политическом представительстве их интересов в традиционном формате публичной политики. Примером может служить итальянское “Движение пяти звезд” (*Movimento 5 Stelle*). Его основатель, популярный комик и политический сатирик Беппе Грилло заявил о себе как публичный политик благодаря созданному им в 2005 г. персональному блогу, который через три года занял лидирующие позиции в ряду десяти самых влиятельных в стране. Сегодня он входит в двадцатку самых популярных блогов в мире². Для создания программы политической партии политический лидер использовал интеллектуальные ресурсы социальных сетей. Каждый из граждан мог внести предложение в программу партии и по результатам его публичного обсуждения в сети оно находило свое место в итоговом документе в форме усовершенствованных программных тезисов. На всеобщих парламентских выборах 24–25 февраля 2013 г. “Движение пяти звезд” набрало 23,79% голосов в нижнюю и 25,55% в верхнюю палату парламента, вызвав политический кризис в Италии³.

¹ Активные пользователи, китайские проправительственные блогеры, участники форумов и социальных онлайн-сетей, высказывающие положительное мнение о правительстве КНР, Коммунистической партии Китая и проводимой государственной политике, получили название “умаодан” или “50 центов партии” (по приблизительным оценкам их более четверти миллиона). Именно столько они предположительно получают за один пост или комментарий, размещенный в интернете; при этом одновременно была сформирована и социальная сеть волонтеров, выполняющих те же действия бесплатно [Рябенко, Мирошниченко 2012: 73].

² Paganini D. Nasce il Movimento (a 5 stelle) di Liberazione Nazionale di Beppe Grillo. — *POLISBLOG*. 2016. URL: <http://www.polisblog.it/post/5708/nasce-il-movimento-di-liberazione-nazionale-di-beppe-grillo> (accessed 01.02.2016).

³ Политический кризис в Италии давит на рынки. — *Вести Экономика*. Доступ: <http://www.vestifinance.ru/articles/25497> (проверено 01.02.2016).

Актуализация неинституционализированных политических акторов в публичной политике происходит под воздействием ризомной сетевой самоорганизации. Суть данного эффекта сетевизации заключается в том, что в коммуникативной среде online-пространства публичной политики формируются ризомные (неявные, обладающие способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, некорневую конфигурацию) дискурсивные сети гражданской журналистики (блоги, социальные онлайн-сети), которые под воздействием ряда внутренних (наличие ресурсов для публичного действия) и внешних факторов (внутриполитических или международных событий) способны трансформироваться в реальных политических акторов. Ризомная коммуникативная среда онлайн-пространства создает условия для формирования автономных от действующей публичной власти сетевых сообществ, не имеющих доступа к традиционным каналам политического представительства и политического участия. Актуализация политической субъектности сетевых сообществ происходит, как демонстрирует современная политическая практика, стихийно в условиях кризиса / турбулентности политической системы и способствует расширению доступа сетевых сообществ к ресурсам публичной политики, одновременно раздвигая границы пространства национальной публичной политики в целом. Яркими примерами служат арабские революции с взрывной и лавинообразной сетевой динамикой, где дифференцируемы, но органично взаимосвязаны исламистские, националистические, либерально-демократические, модернистские и другие тенденции. Механизм ризомной сетевой самоорганизации способствует формированию принципиально новых политических акторов, публичная политическая деятельность которых основывается на сетевых механизмах коллективной мобилизации и координации в реальности публичной политики.

91

Несмотря на то, что эффект ризомной сетевой самоорганизации сравнительно недавно стал проявляться в публичной политике современных государств, интенсивность его воздействия постоянно увеличивается, расширяя практики “уличной” публичной политики. Революции на Ближнем Востоке (2011 г.), общенациональные протесты в Украине (2004 г. и в конце 2013 – начале 2014 гг.), Франции (2005 г.), Греции (2008 г.), Испании (2011 г.), Великобритании (2011 г.), Турции (2013 г.) демонстрируют эффективность действий новых, преимущественно неинституционализированных политических субъектов. Вместе с тем, следует подчеркнуть разнообразие содержания и политических результатов универсального механизма ризомной сетевой самоорганизации в национальных контекстах.

УПРАВЛЕНЧЕСКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СЕТЕВОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Нелинейная логика развития сетевого общества обуславливает процессы диверсификации политических практик и институциональных форм, охватывающая и систему публичного управления. Под воздействием сетевизации публичное управление становится многослойным и многосторонним, инструменты политической власти, влияния и контроля распределяются между разнообразными акторами, индивидуальными и коллективными. Привлечение многих акторов публичной политики к совместному достижению политических целей и публичному управлению связано с сетевым взаимодействием и его координацией, ориентированной на создание условий сотрудничества.

Государство становится координатором сетевого управления, создавая условия для вовлечения граждан в публичность с помощью регулятивных, финансовых и коммуникативных инструментов и ставя целью повлиять на мотивацию субъектов к объединению усилий для решения совместных задач [Сморгунов 2011: 89]. Вовлеченность граждан в реализацию публичных решений непосредственно связана с технологиями межсекторного взаимодействия (прозрачный бюджет, социальный заказ, фонды территориального развития, различные технологии социального инвестирования и т.д.) и инвариантными технологиями гражданского участия (гражданские переговоры, гражданские экспертизы, гражданский контроль, гражданские дискуссии и экспедиции). Вовлеченность граждан в публичность связывает коммуникативную власть гражданского общества с политико-управленческим циклом, тем самым существенно ограничивая автономию государства.

Важной характеристикой сетевого публичного управления является его ориентация на проектные форматы взаимодействия, с помощью которых создаются условия для конструктивного участия разнообразных акторов в практике публичного управления. Государство, осуществляя диагностику состояния публичной политики, выступает инициатором и модератором проектных и экспертных сетей, институционализируя публичные импульсы сетевого гражданского общества в практике публичного управления. Граждане вступают во взаимодействие с властью преимущественно в рамках конкретных политических проектов, вызывающих у них индивидуальную мотивацию участия. Например, в Российской Федерации с 2010 г. стали появляться проекты, основанные на технологии краудсорсинга. В публичной практике краудсорсинг представляет собой интерактивный механизм развития публичной политики, объединяющий множество форм и технологий общественного участия, основанных на коллективном продуцировании общественно-политических идей и политических практик. Так, в июне 2011 г. в рамках реализации Государственной программы РФ “Информационное общество (2011–2020 годы)” по инициативе Администрации Президента РФ была запущена социальная сеть “ГосБук” (<http://www.gosbook.ru/>) для российских чиновников и специалистов, “готовых и способных участвовать в предметном обсуждении актуальных для российского общества вопросов”. Несомненное достоинство краудсорсингового проекта “ГосБук” – возможность для чиновников разного уровня и сфер управления создавать экспертные и рабочие группы для обсуждения актуальных вопросов государственного управления, например, законодательных инициатив, разрабатываемых нормативных актов, проектов концепций. По данным 2013 г., проект объединяет 31 экспертное сетевое сообщество, реализующее практики сетевого мозгового штурма по актуальным направлениям государственной политики РФ. В обсуждении острых тем экспертных сообществ могут принять участие различные пользователи: от представителей бизнеса и НКО до рядовых граждан. В феврале 2011 г. Указом Президента РФ “Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов” был закреплен краудсорсинговый механизм продвижения законопроектов, а с 1 июня 2011 г. предоставлена возможность народного комментирования законопроектов на сайте “Общественное обсуждение законопроектов”⁴.

⁴ *Общественное обсуждение законопроектов*. Доступ: <http://zakonoproekt2012.ru> (проверено 03.02.2017).

Публичный краудсорсинг способствует инициированию и внедрению политических инноваций, рассматриваемых как направленные изменения тех или иных характеристик политической системы – политических институтов или политических процессов с целью повышения эффективности ее деятельности [Мирошниченко 2013: 236-249].

Государство в online-пространстве приобретает характер координационной структуры, которая интегрирует и регулирует расширяющиеся и дифференцирующиеся сетевые сообщества на основе универсальных публичных ценностей для решения общественно значимых и специфических проблем различного уровня. При этом публичная политика становится продуктом, вырабатываемым в совместной деятельности на принципах диалога, сотрудничества и партнерства разнообразных акторов.

СЕТЕВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РАКУРС

Процессы сетевизации оказывают колоссальное влияние на субъективное пространство политики. В субъективное пространство политики принято включать символические, идеологические и культурные образования, обуславливающие содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений [Самаркина 2013: 28-29]. Изначальным носителем политической субъектности является “человек политический”, который в пространстве сетевой публичной политики “обретает свой ‘политический интерфейс’, получает возможность инициативного и автономного участия в политических акциях, в публичных дискуссиях и в выработке решений, которые затем претворяются в различного рода и качества политические действия” [Лапкин, Семенов 2013: 66].

Как отмечает А.И. Соловьев, “через складывающиеся сегодня коммуникации нынешние поколения не только воссоздают фундаментальные (как для отдельных государств, так и в мировом масштабе) черты политической культуры, но и, трансформируя их, закладывают основы тех образов, символов и смыслов, которые предстоит институционализировать их потомкам. Иными словами, живущая в актуальных коммуникациях политическая культура настоящего одновременно представляет собой и своего рода ‘предкультуру’ политики грядущего” [Соловьев 2002: 7]. Как считает автор, это политическая культура с оптимистичным, но более упрощенным взглядом на политику.

Эта “предкультура”, сочетая разнонаправленные характеристики, имеет противоречивый и достаточно фрагментированный характер. “Интернет формировался как плацдарм свободы, в котором нет места цензуре, государственному принуждению, любым другим ограничениям поиска информации. Эти установки продолжают линию развития научного этоса, встраивая в субкультурную аксиологию свободу, прогресс, равенство и творчество на правах ценностей высокого порядка” [Тихонова 2016: 138]. Позитивными чертами сетевой культуры являются синкретическое видение реальности, нетерпимость к жесткой регламентации и организации жизни, открытость инновациям. Гражданская позиция сетевых активистов реализуется в том пространстве, которое является их родной стихией – в блогах, живых журналах и социальных медиа. Результатом инновационного подхода, гражданской активности

и социальной ответственности стали такие хорошо известные российские краудсорсинговые платформы, как “Виртуальная рында”, “Лиза Алерт”, “Моя территория”, “Демократор”, “РосЯма”, “РосПил” и другие.

Базовой политической ценностью для сетевых активистов является прямая демократия, о чем красноречиво свидетельствуют программы пиратских партий, являющихся по сути гибридом партийной структуры и сетевого сообщества. Институционализация постматериалистических движений, их превращение в системные политические силы и партии интегрирует субполитику и политику, и пускай не полностью, но снимает ряд противоречий между обществом и политической элитой⁵. Многие политические представления пользователей сети об устройстве политической жизни и “правилах игры” внутри политической системы можно назвать, мягко выражаясь, наивными. Для личности сетевого активиста часто характерен “сетевой” идеализм, доходящий в крайних случаях до полного отрыва от реальности, очень часто упрощенная, “сет-центричная” картина мира. В сознании многих обитателей сети существует стойкое убеждение, что подвластными им технологиями можно решить любую, самую сложную проблему. “Настоящее, признаваемое большинством обитателей *право киберпейса* – право знания, как силы” [Тузовский 2009: 234]. Такая установка нередко ведет к правовому нигилизму, своеобразному соревнованию в ловкости ухода от социального, в том числе правового, контроля. Сетевое пространство содержит серьезные угрозы безопасности, связанные, прежде всего, с деятельностью экстремистских сообществ, нарушением личного пространства пользователей (“клоны” страниц известных людей), с финансовым мошенничеством, недобросовестной рекламой и “черным пиаром”. Использование хакерства в политических целях привело к возникновению “хактивизма”, проявляющегося во взломе сайтов политических организаций, распространении политического компромата, создании вирусов определенного рода и т.д. Действия хактивистов связаны с выходом из правового пространства; тем самым они наносят ущерб легитимности самой такого рода политической активности.

Б. Гройс в недавнем интервью⁶ отметил противоречие между традиционным политическим мышлением, связанным с расчетом рисков и стратегическим планированием, и повседневной жизнью “цифровых аборигенов”, привыкших к стремительному устареванию любых тем. Система политических ценностей в пространстве сетевой публичной политики подвергается колоссальному воздействию процессов консьюмеризации общества. Брендinговая мифология становится эффективней политических идеологий. Л.В. Баева на основании данных авторского социологического исследования ценностей “продвинутых пользователей” сети приходит к выводу о том, что аксиологическая картина отличается повышением роли витальных и материальных, гедонистических ценностей и снижением статуса духовных (за исключением когнитивных), общественных, нравственных, эстетических. Забота о здоровье, безопасности, самореализации становятся для большинства индивидов важнейшими направлениями активности. При этом ценность жизни Другого

⁵ В октябре 2016 г. Пиратская партия Исландии заняла второе место на внеочередных парламентских выборах, набрав почти 15% голосов избирателей.

⁶ Гройс Б. 2016. Все меняется, но у нас нет ощущения перемен. — *Slon Magazine*. 29 декабря. Доступ: <https://slon.ru/biz/1202091/> (проверено 03.02.2017).

не имеет определяющего значения и способствует общей дегуманизации [Баева 2007]. Как подчеркивает А. Дернер, в политической культуре информационно продвинутого общества неизбежно складывается “культура политического развлечения”, которая, через создаваемые ею “утопические миры”, “дает пользователям СМИ упрощенное понимание, интерпретацию и осмысление политической реальности” [Дернер 2001: 170-171].

Клиповое мышление и “фасеточное” зрение становятся основными способами познания политического мира. Мем – вот один из основных носителей политической информации в сетевом пространстве. “Мем рождается как дополнение к существующей системе знаний. Притягательным в меме является не новизна как таковая, а новый тип связи, обнаруживаемый в разрозненных до сего момента уже известных фрагментах. Новая связь может быть самой разнообразной: бессмысленной, нелепой, смешной, алогичной, парадоксальной, провокационной, субверсивной, эпатажной, утонченной” [Попов 2016: 68]. Использование мема сигнализирует об интегрированности в среду (сетевую, культурную, субкультурную). Метаязык сетевой коммуникации и есть важнейшая информация, заключенная в меме. Достаточно вспомнить циркуляцию в российском политическом пространстве мемов “упоротый лис”, “денег нет, но вы там держитесь” и других.

Не меньшее воздействие развитие сетевой публичной политики оказывает на процессы формирования идентичностей. На глазах и при деятельной вовлеченности нынешних социально активных поколений распадается достаточно устойчиво существовавший до недавних пор мир упорядоченных идентичностей. Сетевое общество утвердило скорость как одну из ценностей, а “бытие” в сетевых контекстах позволило участникам произвольно изобретать и “присваивать” все новые идентичности. Наиболее подходящий термин для обозначения этого процесса – трансгрессия идентичности. Трансгрессия – в значении “выхода за пределы” – термин, введенный в постмодернистский философский дискурс М. Фуко [Фуко 1994]. Речь идет о приписывании себе ранее не свойственных социальных ролей, о стремительном изобретении новых идентичностей. Пользователь сети, представленный в десятках аватаров и многочисленных никнеймах, сам теряется в этом смысловом потоке, который не фиксирует устойчивые жизненные смыслы. “Жизни людей, как они представлены в виртуальном пространстве – это сетевые идентичности, которые легко подвергаются манипуляциям не только со стороны самого субъекта, но и извне”, а “сама способность управлять сетевым контентом изменяет ракурс нашего видения себя и других” [Arthur 2009: 76]. Что же касается коллективных идентичностей, то критерием утверждения субъектности сообществ и их признания другими становится их представленность в коммуникационной мультимедиа-системе.

ПОЛИТИКА В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ И/С СЕТЕВАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Сетевая публичная политика возможна только в условиях сетевого общества, которое является одновременно онтологическим основанием и условием ее возникновения и развития. В социокультурном и ценностно-идеологическом аспектах сетевая публичная политика имеет плюралистические основания: в условиях существования и конкуренции множественных “публичных режимов” и путем интеграции взаимодействующих усилий рефлексизирующих социальных и политических акторов, продвигающих разнообразные проекты,

оказывается возможной выработка инновационных организационных форм и способов решения публичных проблем.

В то же время следует отметить, что сетевая публичная политика разворачивается в более широком социально-политическом контексте, который отличает современность и включает в себя многообразие политических явлений и процессов, характерных для разных “темпоральных форматов” (традиционной политики, политики модерна и т.д.). В современном политическом процессе, при экспансии сетевых структур, процессов и технологий, основанных на цифровом формате, по-прежнему высока роль иерархических структур, которые инкорпорируют в процесс принятия политико-государственных решений традиционные сетевые структуры (основанные на кланово-родовых, местных, патрон-клиентарных сетевых отношениях), действующих в латентном, а иногда и в публичном пространстве политики. Существующее пространство политики в сетевом обществе дает возможность традиционным политическим акторам получить новое развитие, используя сетевые механизмы. Например, радикальные организации, базирующиеся на социальном капитале традиционных обществ, широко используют современные сетевые практики. “Они неплохо адаптировались к передовым принципам самоорганизации, создав весьма обширные транснациональные сетевые организации. Террористические сети приспособлены к проникновению в органы власти и управления, к коррупционным практикам, обладают устойчивостью и способностью к регенерации. Сети подвижны и децентрализованы и потому трудно уязвимы”⁷.

96

Таким образом, формирование сетевой публичной политики в современных политических системах представляет собой незавершенный проект нелинейного развития, в котором институциональные, процессуальные, социокультурные и технологические компоненты политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, “прорастая” поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур (новые социальные движения, протестные сообщества, гражданская журналистика, открытое правительство и т.д.), а традиционные политические институты (сетевые политические партии, некоммерческие организации веб 2.0) под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016].

Формирование коллективных сетевых структур происходит в результате постоянных интеракций между многими индивидами в определенных контекстуальных условиях. Необходимо подчеркнуть, что при разрастании / усложнении сетевых структур главной проблемой становится их координация, становящаяся основным управленческим механизмом этими сложным образом структурно организованными системами.

Технологические компоненты сетевой публичной политики наполняются принципиально новым содержанием, отличным от традиционного “формата” политических технологий, использование которых прежде обеспечивало политическим субъектам достижение определенных результатов. Технологии сетевой публичной политики, существование которых невозможно вне технологической платформы сетей передачи данных (обеспечивающих мгновенные и непрерывные обмены больших объемов данных), выстраиваясь на

⁷ Соловьев Э.Г. 2008. Исламистская террористическая сеть и проблемы борьбы с терроризмом. — *IslamRF.ru*. Доступ: <https://islamrf.ru/news/umma/islam-world/2685> (проверено 03.02.2017).

принципах сетевой коммуникации, нацелены на поиск инноваций в сфере политики (инновационного контента, инновационных форм взаимодействия, инновационных ресурсов и решений). Использование политическими акторами технологий сетевой публичной политики существенно расширяет их возможности многовекторного развития в условиях политической неопределенности, характерной для новой сетевой реальности.

Сетевые коммуникации изменяют субъективное пространство политики, продуцируют новые смысловые образы власти, посредством их вырабатываются новые ценностные иерархии, формируются новые политические идентичности. Складывающаяся в рамках сетевой публичной политики политическая культура носит противоречивый и фрагментированный характер, это касается как аксиологических, так и поведенческих ее компонентов.

В данной статье авторы сосредоточились на анализе структуры и содержания сетевой публичной политики, направлений трансформации основных политических институтов, процессов и политической культуры. Очевидно, в сетевом обществе происходят определенные мутации лидерства и его ресурсной базы, групп давления и лоббизма, принципов взаимодействия СМИ и общества, процессов рекрутирования политических элит и т.д. Без исследования этих процессов научная “картина” сетевой публичной политики неполна; очевидно, что предметное поле этого нового политического феномена будет расширяться и дифференцироваться.

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельности жизни*. СПб.: Алетейя. 437 с.

Баева Л.В. 2007. Ценности мира “продвинутых пользователей”. — *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. № 2. С. 135-148.

Барина Д.С. 2010. Методологические аспекты исследования виртуального пространства Интернета. — *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. Вып. 1. Под ред. М.В. Ильина. М.: ИНИОН РАН. С. 109-122.

Бауман З. 2005. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

Бек У. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция. 383 с.

Беляева Н.Ю. 2011. Развитие концепта публичной политики: внимание “движущим силам” и управляющим субъектам. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 72-87. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4419> (проверено 03.02.2017).

Дернер А. 2001. Политика как развлекательный жанр. Государственная информационная политика. — *Реферативный бюллетень*. № 3. С. 170-171.

Дзоло Д. 2010. *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. 320 с.

Кастельс М. 2000. *Информационная эпоха: Экономика, общество, культура*. М.: ГУ ВШЭ. 456 с.

Лапкин В.В., Семененко И.С. 2013. “Человек политический” перед вызовами “informodernity”. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 64-81. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4780> (проверено 03.02.2017).

Лэйн Д. 2012. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 98-116. Доступ: <http://www.politstudies.ru/article/4540> (проверено 03.02.2017).

Макарычев А.С. 2008. Гражданское общество в России: между государством и международным сообществом. — *Публичное пространство, гражданское общество*

и власть: Опыт развития и взаимодействия. Под ред. А.Ю. Сунгурова. М.: РАПН; РОССПЭН. С. 19-32.

Мирошниченко И.В. 2013. *Сетевой ландшафт российской публичной политики*. Краснодар: Просвещение-Юг. 295 с.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. 2016. Гибридные политические институты: к проблеме типологизации. — *Человек. Сообщество. Управление*. Т. 16. № 4. С. 6-26.

Павлова Т.В. 2007. Современное гражданское участие: к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации. — *Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономика. Социальная политика*. М.: РАПН; РОССПЭН. С. 136-148.

Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Редколлегия: И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. 2014. М.: ИМЭМО РАН. 218 с.

Попов Д.В. 2016. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры. — *Научный вестник Омской академии МВД России*. № 3. С. 66-71.

Рябченко Н.А., Мирошниченко И.В. 2012. *Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России*. Краснодар: Просвещение-Юг. 173 с.

Самаркина И.В. 2013. *Политическая картина мира как компонент субъективного пространства политики: теоретико-методологические аспекты*. Краснодар: Кубанский государственный университет. 320 с.

Сморгунов Л.В. 2011. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке. — *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Вып. 4. С. 85-96.

Сморгунов Л.В. 2014. Сетевые политические партии. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 21-37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03>

Соловьев А.И. 2002. Коммуникация и культура: противоречия поля политики. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 6-17. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.02>

Тихонова С.В. 2016. Социальные сети: проблемы социализации Интернета. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 138-152. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>

Тузовский И.Д. 2009. Интернет-территория “фронтира” информационного общества. — *Федерализм*. № 4. С. 229-236.

Фуко М. 1994. О трансгрессии. — *Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. СПб.: Мифрил. С. 111-132.

Фуко М. 2006. *Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984*. М.: Праксис. 311 с.

Хойслинг Р. 2003. *Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории*. М.: Логос-Альтера. 192 с.

Шенцева Е.А. 2012. Сетевой подход в контексте философского дискурса. — *Вопросы философии*. № 8. С. 42-49.

Эко У. 1994. Средние века уже начались? — *Иностранная литература*. № 4. С. 258-267.

Arthur P.L. 2009. Digital Biography: Capturing Lives Online. — *Auto/Biography Studies*. Vol. 24. No. 1. P. 74-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08989575.2009.10846789>

Bauman Z. 2000. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press. 240 p.

Borzel T. 1998. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 5. No. 2. P. 354-359.

Brandes U., Kenis P., Raab J., Schneider V., Wagner D. 1999. Explorations in to the Visualization of Policy Networks. – *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 11. P. 75-106.

Compston H. 2009. *Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test*. New York: Palgrave Macmillan. 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230244320>.

Damgaard B. 2006. Do Policy Networks Lead to Network Governing? – *Public Administration*. Vol. 84. No. 3. P. 673-691. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2006.00607.x>

Daugbjerg C. 1998. *Policy Networks under Pressure: Pollution Control, Policy Reform and Power of Farmers*. Aldershot: Ashgate. 225 p.

Debating Governance. Ed. by J. Pierre. 2000. Oxford: Oxford University Press. 251 p.

Emirbayer M., Goodwin J. 1994. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency – *American Journal of Sociology*. Vol. 99. No. 6. P. 1411-1454.

Foucault M. 1991. Governmentality. – *The Foucault Effect: Studies in Governmentality: with Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Ed. by Graham Burchell, Colin Gordon, Peter Miller. Chicago: University of Chicago Press. P. 87-104.

Habermas J. 1990a. *Die Moderne – ein unvollendetes Projekt. Philosophischpolitische Aufsätze 1977-1990*. Leipzig: Reclam Verlag. 256 S.

Habermas J. 1990b. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 391 S.

Haley U. 2010. China's Fifty Cent Party for Internet Propaganda. – *The Huffington Post*. URL: http://www.huffingtonpost.com/usha-haley/chinas-fifty-cent-party-f_1_b_749989.html (accessed 03.02.2017).

Hirst P. 2000. Democracy and Governance. – *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy*. Ed. by Jon Pierre. Oxford: Oxford University Press. P. 138-164.

Klijin E.-H., Koppenjan J.F.M. 2000. Public Management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance. – *Public Management Review: an International Journal of Research and Theory*. Vol. 2. No. 2. P. 135-158. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719030000000007>

Knoke D. 1990. *Political Networks: the Structural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 290 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527548>

Knoke D., Kuklinski J.H. 1982. *Network Analysis*. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 96 p.

Kooiman J. 1993. Social-Political Governance: Introduction. – *Modern Governance. New Government-Society Interactions*. London: Sage Publications Ltd. P. 1-6.

Kooiman J. 2003. *Governing as Governance*. London: Sage Publications Ltd. 264 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446215012>

Laumann E.O., Knoke D. 1987. *The Organizational State, Social Choice in National Policy Domains*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 560 p.

Marsh D., Rhodes R. 1992. *Policy Networks in British Government*. Oxford: Clarendon Press. 312 p. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198278528.001.0001>

Pierre J., Peters B.G. 2000. *Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press. 256 p.

Poucke W. van. 1979. Network Constraints on Social Action: Preliminaries for a Network Theory. – *Social Networks*. Vol. 2. No. 2. P. 181-190. [http://dx.doi.org/10.1016/0378-8733\(79\)90006-6](http://dx.doi.org/10.1016/0378-8733(79)90006-6)

Schneider V., Werle R. 1991. Policy Networks in the German Telecommunications Domain. – *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations*. Boulder; Colorado; Frankfurt: Campus Verlag/Wesview Press. P. 97-137.

Toke D., Marsh D. 2003. Policy Networks and GM Groups Issue: Assessing the Utility of a Dialectical Model of Policy Networks. – *Public Administration*. Vol. 81. No. 2. P. 229-251. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00344>

Waarden F. van. 1992. Dimensions and Types of Policy Networks. — *European Journal of Political Research*. Vol. 21. No. 1-2. P. 29-52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00287.x>

Walters W., Haahr J. 2005. Governmentality and Political Studies. — *European Political Science*. Vol. 4. No. 3. P. 288-300.

DOI: 10.17976/jpps/2017.02.06

NETWORK PUBLIC POLICY: OUTLINES OF SUBJECT FIELD

I.V. Miroshnichenko¹, E.V. Morozova¹

¹Kuban State University. Krasnodar, Russia

MIROSHNICHENKO Inna Valer'evna, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associated Professor, Head of Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University. Email: mirinna78@mail.ru; MOROZOVA Elena Vasil'evna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Professor of the Department for Public Policy and Public Administration, Kuban State University. Email: morozova_e@inbox.ru

Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Network Public Policy: Outlines of Subject Field. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 2. P. 82-102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.06>

The article was performed with the support of the Grant of the President of Russian Federation for state support of young Russian scientists – PhD MD-5993.2016.6 “Innovative practices in a multilevel system of public administration in modern Russia” (2016-2017).

Received: 23.11.2016. Accepted: 26.12.2016

Abstract. The authors reveal the structure and content of the public policy network, formed under the influence of societal changes in modern society, in which political institutions and practices have acquired new universal qualities. The article identifies and describes the stages of evolution of the network approach in political studies. Network public policy takes place in an Internet-integrated environment and is both the process and the result of the interaction of socio-political actors using network resources and technologies to develop ways of solving problems of public importance and their integration into governmental practices. Contours of the problem field cover the changes in different dimensions of public policy (information-discursive, institutional, governmental, technological, socio-cultural, spatial) and their results. The opportunities and risks of an individual's reflective involvement in network structures are shown in the article, as well as the vectors of transformation of traditional political institutions and genesis of hybrid organizational forms under the impact of network technologies. The usage of network technologies greatly enhances political actors' multi-faceted development in the context of political uncertainty, characteristic for the networked reality. The authors reveal the relationship between the communicative power of civil society and the political-administrative cycle using the case of crowdsourcing. The subjective space of network public policy is characterized by the changes in the system of political values, in the nature of political identity and political culture, including those occurring under the influence of consumerization. The subject field of network public policy will inevitably be expanded and differentiated.

Keywords: network society; network public policy; non-linear political processes; rhizome self-organization; hybrid political institutions; network identity; network communication.

References

Arendt H. Vita activa oder Vom tätigen Leben. (Russ. ed.: Arendt H. *Vita active, ili O deyatel'nosti zhizni*. St. Petersburg. Aleteya. 2000. 437 p.)

Arthur P.L. Digital Biography: Capturing Lives Online. — *Auto/Biography Studies*. 2009. Vol. 24. No. 1. P. 74-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08989575.2009.10846789>

Baeva L.V. World Values of “Advanced Users”. — *Ekzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhoterapiya*. 2007. No. 2. P. 135-148. (In Russ.)

Barinova D.S. Methodological Aspects of a Research of Virtual Space of the Internet. — *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*. Issue 1. Ed. by M.V. Ilyin. Moscow: INION RAN. 2010. P. 109-122. (In Russ.)

Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press. 2000. 240 p.

Bauman Z. The Individualized Society. (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow: Logos. 2005. 390 p.)

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. (Russ. ed.: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2000. 383 p.)

Belyaeva N.Yu. Evolution of the Concept of Public Policy: Attention for “Motive Forces” and for Governing Entities. — *Polis. Political Studies*. 2011. No. 3. P. 72-87. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4419> (accessed 03.02.2017).

Borzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance. — *Journal of European Public Policy*. 1998. Vol. 5. No. 2. P. 354-359.

Brandes U., Kenis P., Raab J., Schneider V., Wagner D. Explorations into the Visualization of Policy Networks. — *Journal of Theoretical Politics*. 1999. Vol. 11. No. 1. P. 75-106.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age. (Russ. ed.: Castells M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo, kul'tura*. Moscow: HSE Publishing House. 2000. 456 p.)

Compston H. *Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test*. New York: Palgrave Macmillan UK. 2009. 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230244320>.

Damgaard B. Do Policy Networks Lead to Network Governing? — *Public Administration*. 2006. Vol. 84. No. 3. P. 673-691. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.2006.00607.x>

Daugbjerg C. *Policy Networks under Pressure: Pollution Control, Policy Reform and Power of Farmers*. Aldershot: Ashgate. 1998. 225 p.

Debating Governance. Ed. by J. Pierre. Oxford: Oxford University Press. 2000. 251 p.

Derner A. Policy as Entertaining Genre. State Information Policy. — *Abstract Bulletin*. 2001. No. 3. P. 170-171. (In Russ.)

Eco U. II Art and Beauty in the Middle Ages. (Russ. ed.: Eco U. *Srednie veka uzhe nachalis'? — Inostrannaya literatura*. 1994. No. 4. P. 258-267.)

Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. — *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99. No. 6. P. 1411-1454.

Foucault M. Governmentality. — *The Foucault Effect: Studies in Governmentality: with Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Ed. by Graham Burchell, Colin Gordon, Peter Miller. Chicago: University of Chicago Press. 1991. P. 87-104.

Foucault M. A Preface to Transgression. In Foucault Michel. *Language, Counter-Memory, Practice. Selected Essays and Interviews*. (Russ. ed.: Foucault M. *O transgressii. — Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batai i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka*. St. Petersburg: Mithril Publ. 1994. P. 117-139.)

Foucault M. Dits et Écrits. Articles Politiques Conférences Interviews. 1970-1984. (Russ. ed.: Foucault M. *Intellekтуally i vlast': stat'i i interv'y, 1970-1984*. Moscow: Praxis Publ. 2006. 311 p.)

Habermas J. *Die Moderne — ein unvollendetes Projekt. Philosophischpolitische Aufsätze 1977-1990*. Leipzig: Reclam Verlag. 1990. 256 S.

Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1990. 391 S.

Haley U. China's Fifty Cent Party for Internet Propaganda. — *The Huffington Post*. 2010. URL: http://www.huffingtonpost.com/usha-haley/chinas-fifty-cent-party-f_1_b_749989.html (accessed 03.02.2017).

Häubling R. Soziale Prozesse als Netzwerkspiele. (Russ. ed.: Häubling R. *Sotsial'nye protsessy kak setevye igry. Sotsiologicheskije esse po osnovnym aspektam setevoi teorii*. Moscow: Logos-Altera. 2003. 192 p.)

Hirst P. Democracy and Governance. — *Debating Governance. Authority, Steering, and Democracy*. Ed. by Jon Pierre. Oxford: Oxford University Press. 2000. P. 138-164.

Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M. Public Management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance. — *Public Management Review: an international journal of research and theory*. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 135-158. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719030000000007>

Knoke D. *Political Networks: the Structural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 290 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511527548>

Knoke D., Kuklinski J.H. *Network Analysis*. Beverly Hills, CA: Sage Publications. 1982. 96 p.

Kooiman J. Social-Political Governance: Introduction. — *Modern Governance. New Government-Society Interactions*. London: Sage Publications Ltd. 1993. P. 1-6.

Kooiman J. *Governing as Governance*. London: Sage Publications Ltd. 2003. 264 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446215012>

Lapkin V.V., Semenenko I.S. “Homo Politicus” vs Challenges of “Infomodernity”. — *Polis. Political Studies*. 2013. No. 6. P. 64-81. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4780> (accessed 03.02.2017).

Lane D. Civil Society in the Countries of the European Union: Ideology, Institutions and Advance of Democracy. — *Polis. Political Studies*. 2012. No. 2. P. 98-116. (In Russ.) URL: <http://www.politstudies.ru/article/4540> (accessed 03.02.2017).

Laumann E.O., Knoke D. *The Organizational State, Social Choice in National Policy Domains*. Madison, Wis: University of Wisconsin Press. 1987. 560 p.

Makarychev A.S. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: mezhdu gosudarstvom i mezhdunarodnym soobshchestvom [Civil Society in Russia: Between the State and the International Community]. — *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': Opyt razvitiya i vzaimodeistviya* [Public Space, Civil Society

and Power: Experience of Development and Interaction. Ed. by A.Yu. Sungurov]. Moscow: Russian Political Science Association; ROSSPEN. 2008. P. 19-32. (In Russ.)

Marsh D., Rhodes R. *Policy Networks in British Government*. Oxford: Clarendon Press. 1992. 312 p. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198278528.001.0001>

Miroshnichenko I.V. *Setevoi landshaft Rossiiskoi publichnoi politiki* [Network Landscape of the Russian Public Policy]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug Publ. 2013. 295 p. (In Russ.)

Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Ryabchenko N.A. Hybrid Political Institutes: Revisiting the Issue of Typologization. — *Human. Community. Management*. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 6-26. (In Russ.)

Pavlova T.V. *Sovremennoe grazhdanskoe uchastie: k izucheniyu novykh form kollektivnogo deistviya v usloviyakh globalizatsii* [Modern Civil Participation: To Studying of New Forms of Collective Action in the Conditions of Globalization]. — *Novye napravleniya politicheskoi nauki: Gendernaya politologiya. Institutional'naya politologiya. Politicheskaya ekonomiya. Sotsial'naya politika* [New Directions of Political Science: Gender Political Science. Institutional Political Science. Political Economy. Social Policy]. Moscow: Russian Political Science Association; ROSSPEN. 2007. P. 136-148. (In Russ.)

Pierre J., Peters B.G. *Governance, Politics and the State*. London: Macmillan Press. 2000. 256 p.

Politicheskie izmeneniya v global'nom mire: teoretiko-metodologicheskie problemy analiza i prognozirovaniya. Redkollegiya: I.S. Semenenko (otv. red.), V.V. Lapkin, V.I. Pantin [Political Change in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting. Ed. by I.S. Semenenko, V.V. Lapkin, V.I. Pantin]. Moscow: IMEMO RAN. 2014. 218 p. (In Russ.)

Popov D.V. A Meme as the Means of Communication, Network Value and Factor of Cultural Development. — *Scientific Bulletin of the Omsk Academy Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 3. P. 66-71. (In Russ.)

Poucke W. van. Network Constraints on Social Action: Preliminaries for a Network Theory. — *Social Networks*. 1979. Vol. 2. No. 2. P. 181-190. [http://dx.doi.org/10.1016/0378-8733\(79\)90006-6](http://dx.doi.org/10.1016/0378-8733(79)90006-6)

Ryabchenko N.A., Miroshnichenko I.V. *Institutsionalizatsiya publichnoi politiki v online-prostranstve sovremennoi Rossii* [An Institutionalization of Public Policy in Online-Space of Modern Russia]. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug Publ. 2012. 173 p. (In Russ.)

Samarkina I.V. *Politicheskaya kartina mira kak komponent sub"ektivnogo prostranstva politiki: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Political Picture of the World as Component of Subjective Space of Policy: Theoretical and Methodological Aspects]. Krasnodar: Kuban State University. 2013. 320 p. (In Russ.)

Schneider V., Werle R. Policy Networks in the German Telecommunications Domain. — *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations*. Boulder; Colorado; Frankfurt: Campus Verlag/Wesview Press. 1991. P. 97-137.

Shentseva E.A. WEB Approach in the Context of Philosophical Discourse. — *Voprosy filosofii*. 2012. No. 8. P. 42-49. (In Russ.)

Smorgunov L.V. In Search of Governability: Transformations of Public Administration Theory in XXI Century. — *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International relations*. 2011. No. 4. P. 85-96. (In Russ.)

Smorgunov L.V. Network Political Parties. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 4. P. 21-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.03>

Solovyov A.I. Communication and Culture: Contradictions of the Field of Politics. — *Polis. Political Studies*. 2002. No. 6. P. 6-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.06.02>

Tikhonova S.V. Social Networks: Problems of Internet Socialization. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 3. P. 138-152. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.11>

Toke D., Marsh D. Policy Networks and GM Groups Issue: Assessing the Utility of a Dialectical Model of Policy Networks. — *Public Administration*. 2003. Vol. 81. No. 2. P. 229-251. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9299.00344>

Tuzovsky I.D. The Internet — Frontier Territory of Information Society. — *Federalism*. 2009. No. 4. P. 229-236. (In Russ.)

Waarden F. van. Dimensions and Types of Policy Networks. — *European Journal of Political Research*. 1992. Vol. 21. No. 1-2. P. 29-52. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1992.tb00287.x>

Walters W., Haahr J. Governmentality and Political Studies. — *European Political Science*. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 288-300.

Zolo D. Democracy and Complexity. A Realist Approach. (Russ. ed.: Zolo D. *Demokratiya i slozhnost': realisticheskii podkhod*. Moscow: HSE Publishing House. 2010. 320 p.)